

Ее молодой разум, казалось, на мгновение задумался над этим, прежде чем она ответила, откашлявшись от того, что, как я знал, должно было быть грустью, - Ты имеешь в виду, это как с печеньем? - И снова она по-детски обезоруживала меня. Хотя ее сравнение было верным в нескольких отношениях - слишком много потенциального сахара для детей и лишние калории для взрослого, - я думал о совершенно другом. Это знакомая мне метафора достижения оргазма, которую я перенял у старой подруги в старшей школе. Симпатичный термин, который, казалось бы, был менее грубым, чем фраза «Я кончаю!»

Убедившись, что мы понимаем друг - друга, я спокойно ответил: - Да, дорогая, как печенье. Слишком много сладкого вредит здоровью. - Я сел на пол, чтобы быть более на уровне ее глаз, пока она лежала, и она наконец опустила ноги, одну на диван, а другую на пол рядом со мной. Ее тугая, восхитительная, безволосая маленькая киска смотрела прямо на меня на мгновение, прежде чем она накрыла ее рукой. - Чешется, детка? - Мой вопрос был искренним, когда она начала осторожно тереть киску кончиками пальцев, как будто хотела почесать.

Она практически застонала, - Ага, - когда ее указательный палец начал медленно нажимать на ее маленький клитор, она прошептала мне, глядя прямо в глаза: - Если ты не заставишь меня снова кончить, я сделаю это сама. - Сцена, которая, как я чувствовал, вот-вот должна была развернуться передо мной, заставила меня откинуться на диван, слегка раздвинув ноги, пока я смотрел. Она закусила губу, но не отвела взгляда, глядя мне в глаза, как бы говоря: "Это для тебя". За считанные часы моя дочь узнала, что я человек, который любит каждую часть ее тела, как по-отцовски, так и по мужски, и она принимала это, с распростертыми руками ... и ногами.

Продолжая гладить себя одним пальцем, а теперь другой рукой играя со своей покрытой футболкой, подающей надежды грудью, она, казалось, никогда не закрывала глаза, теряясь в похотливом взгляде в ответ на меня. Ее тихие стоны и воркование побудили мою руку переместиться к моему члену, слегка скользкому от ее молодых соков и немного болезненному от того, что я кончил дважды за последний час. Я медленно погладил свой член, наблюдая, как моя маленькая девочка играет сама с собой прямо передо мной. Я смирился с тем, чтобы сидеть сложа руки и смотрел шоу. - Сними футболку, детка.

Она внезапно прекратила то, что делала. В противном случае она не двигалась, просто смотрела на меня на мгновение, учитывая то, что я сказал. Она села, опустила обе руки на нижнюю часть своей крошечной футболки и натянула ее через голову. Бросив ее на пол, она откинулась на спинку дивана, без слов, но не без стоны, вернула руки в прежнее положение - киске и соску.

Ее тело было великолепным. Я видел ее обнаженной так много раз раньше, и каждый раз это влияло на меня, хотя бы немного, в сексуальном плане. Но теперь, после того, что произошло, я видел в ней молодую женщину, которая, по сути, была добровольным сексуальным партнером. Так что видеть ее сейчас, без единой одежды, для меня было совсем другим, и я видел ее в совершенно другом свете. Я заметил, что ее соски были очень твердыми. Когда ее левая рука потянула за один из них, я понял, что был прав хотя бы частично, она щипала их, чтобы ослабить давление.

Было так сексуально наблюдать, как моя дочь нетерпеливо играет сама с собой передо мной, что я начал целенаправленно прочить.

Внезапно Кимми нарушила тревожное молчание между нами и напомнила мне еще одним образом о своей матери. - Тебе нравится смотреть на меня, папа?

Я почти хрипло ответила: - Да, детка. Ты хорошая девочка. Ты собираешься кончить для меня?
- Теперь я был частью порно.

- Да ... ммм ... Я кончаю ... - Ее палец яростно тер, заставив ее голову откинуться назад и, наконец, закрыть глаза. Она увидела в моем ответе разрешение кончить так же сильно и быстро, как только могла.

- Притормози, детка. Не порань себя. - Ее рука замедлилась и сделала более широкие круги, ее бедра подергивались каждые несколько секунд. Казалось, что ее одного пальца было недостаточно, и она не предприняла никаких действий, чтобы исправить это самостоятельно.

- Используй три пальца, детка. - Я уверен, что она делала это с собой несколько раз, и, по-видимому, оргазм был вызван стимуляцией клитора. Но она начала с одного пальца и не показала, что собирается закончить другими. Но по моему словесному толчку она остановилась на достаточно долгое время, чтобы присоединить свой средний и безымянный палец и начать снова. Почти сразу же ее голова ударилась о подлокотник дивана, ее бедра соскочили с подушки, и она испустила кричащий стон. Могу поклясться, что я также видел, как она выпустила немного своего сока на диван. - Вот и все, детка. Так лучше, да? - Моя собственная рука двигала вверх и вниз по моему жесткому члену, заставляя меня время от времени вздрагивать от его нежности, но мне было все равно.

- Да ... о боже, да ... это так хорошо ... - Она едва могла сформулировать настоящие слова между стонами, но это был ее ответ. Я знал, что это работает. Пока она продолжала вздрагивать и стонать на свой недавно обнаруженный генератор оргазма, ее другая рука была занята сжиманием сосков, она так сильно их скручивала и тянула, что я был уверен, что если она не пыталась облегчить боль, то она была ее причиной. Это заставило меня поверить, что она могла быть немного мазохисткой - возможно, мне придется исследовать это немного позже ...

Я продолжал двигать рукой по своему члену, глядя на свою дочь, которая отлично справлялась с тем, чтобы приблизиться к краю. Я встал, готовясь кончить на ее гладкую, потрясающую грудь. Я опустил на колени рядом с ней и, не говоря ни слова и даже не осознавая, что делаю, я опустил рот к соску, который она отчаянно пыталась оторвать. Это заставило ее стонать так громко, что она повредила мне слух, но это не помешало мне втянуть ее сосок в рот, облизывать и покусывать его, пока я сосал. Вместо того, чтобы сосредоточиться на ее другом соске, ее свободная рука теперь упала на мой затылок, лаская мои волосы, подстрекая меня.

С моим членом в руке, и с языком, танцующим на дерзком соске моей дочери, с ее собственной рукой, лихорадочно терзающей ее самое чувствительное место, и со стоном, к которому я теперь присоединился, сцена стала такой напряженной, что я почувствовал что готов кончить. Как будто она хотела, чтобы я сделал это больше всего на свете, и зная, как это сделать, Кимми прошептала мне: - О Боже, папа, это так хорошо, папа. Не переставай сосать мой сосок, папа. - Я слышал это в ее дыхании - она была близка.